A. L.: „Die lebendig Toten“.

А. Л.

Смертники

Berlin.
Heinrich Caspari Verlagsbuchhandlung
1911.

Послѣдніе полтора-два года мнѣ пришлось провести въ тюрьмѣ одного большого города да югѣ Россіи. Этотъ городъ занимаетъ видное мѣсто въ кровавыхъ лѣтописяхъ послѣднихъ лѣтъ: это одинъ изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ вакханалія висѣлицъ и экспропріацій достигла наибольшаго развитія . –. Почти все это время мнѣ пришлось жить среди людей, преданныхъ военному суду по всеобъемлющей 279 ст. XXII кн. свода военныхъ постановленій. Вокругъ меня сотни людей ожидали смертной казни. А такъ какъ люди, сжатые въ тѣсномъ помѣщеніи безпощадными тюремными стѣнами, дышащіе однимъ воздухомъ, не имѣютъ тайнъ другъ отъ друга, то душевная жизнь этихъ людей была открыта предо мной. На моихъ глазахъ военные суды постановили больше двухсотъ приговоровъ, и больше ста человѣкъ было за это время повѣшено. И хотя я ни разу не

нападеніи, вмѣсто обычнаго уголовнаго: „Ложись и ни съ мѣста!“, имъ вздумалось командовать по-экспропріаторски: „Руки вверхъ!“. „Политико-уголовные“ привлекались кто за убійство или нанесеніе ранъ (терроръ), кто за нападеніе и грабежъ (экспропріація), кто за сопротивленіе и отпоръ полиціи при задержаніи, кто за поджогъ (аграрный терроръ) кто за разсылку угрожающихъ писемъ (вымогательство).

Какъ разнообразны были преступленія, за которыя ждала этихъ людей смертная казнь, такъ же различны были сами люди. Смертники-уголовные смотрѣли на все окружающее съ презрѣніемъ. Они ненавидѣли политиковъ: „Изъ-за васъ, подлецовъ, умирать приходится. Сколько людей вы сгубили! Раньше окружный судилъ или палата, а теперь, съ вашей революціи, пошелъ военный судъ! То получилъ бы лѣтъ десять, или роты, а изъ-за васъ, вотъ, петля. Сволочь“!.. И эта была для нихъ неистощимая тема для ругани и насмѣшекъ надъ политиками. Судъ сильно волновалъ ихъ. Предстоящая казнь ихъ пугала, и уже задолго до суда они старались узнать форму прошенія о помилованіи.

Среди смертниковъ, ожидавшихъ казни за возстаніе 1905-го года, можно было замѣтить два рѣзко противоположныхъ теченія. Одни, оставшіеся вѣрными своимъ вѣрованіямъ, ждали суда и казни безъ страха, безъ трепета,

съ традиціонной для русскаго революціонера стойкостью; другіе, проклиная свое увлеченіе, проклиная „впутавшихъ“ ихъ въ это дѣло, жили въ безумномъ страхѣ за свою жизнь, каждый день переживая безысходный, отчаянный ужасъ смерти. Между спокойствіемъ первыхъ и отчаяніемъ вторыхъ контрастъ былъ поразительный... Нѣкоторые изъ политиковъ, спокойно ожидавшихъ смерти, искренно жалѣли своихъ павшихъ духомъ, мечущихся въ отчаяніи товарищей. Но среди послѣднихъ было много людей, готовыхъ на что угодно, чтобы выкупить свою голову изъ неумолимой петли. И потому большинство политиковъ, оставшихся вѣрными своимъ старымъ идеаламъ, смотрѣли на раскаявшихся товарищей съ враждой и презрѣніемъ. Мнѣ, какъ юристу, показалось цѣннымъ одно наблюденіе: я замѣтилъ, что смертная казнь, предназначенная по своей „идеѣ“ для самыхъ нераскаянныхъ преступниковъ, всего менѣе страшна именно для того, кто остался такимъ же, какимъ былъ въ моментъ совершенія преступленія; мучительной и ужасной она становится для преступника съ того момента, когда онъ начинаетъ *раскаяваться* въ совершенномъ преступленіи, когда онъ уже перестаетъ быть тѣмъ, котораго „надо“ было повѣсить...

Наибольшее разнообразіе типовъ приходилось наблюдать между смертниками „поли-

тико-уголовными“: среди нихъ можно было прослѣдить всѣ оттѣнки, отъ революціоннаго подвижничества до грубѣйшей уголовщины; среди нихъ были люди хрустальной душевной чистоты, люди, полные безкорыстнѣйшей пламенной любви къ ближнимъ—и рядомъ съ ними люди развращенные, глубоко павшіе въ нравственномъ отношеніи, стоявшіе иногда ниже обыкновенныхъ „уголовныхъ“. Всѣ они объединялись въ тюрьмѣ подъ общимъ понятіемъ „уголовно-политическихъ“, но общее было у нихъ лишь одно: то, что всѣ они были преданы военному суду и всѣхъ ихъ ожидала висѣлица по 279-ой статьѣ.

Уже среди лицъ, привлекаемыхъ за террористическіе акты, были люди совершенно противоположныхъ чувствъ и стремленій. Вотъ—человѣкъ, до глубины души ненавидящій всякое насиліе, ненавидящій всякое пролитіе крови — и все-таки вышедшій на террористическій актъ. Вотъ — молодой рабочій, который съ пьяныхъ глазъ, ни съ того ни съ сего, выстрѣлилъ два раза изъ револьвера въ постового городового. Вотъ — привычный экспропріаторъ, подкараулившій и убившій человѣка, который раньше вмѣстѣ съ нимъ совершалъ экспропріаціи, но затѣмъ поступилъ въ охранное отдѣленіе. Вотъ — „человѣкъ браунинга“, сдѣлавшій себѣ спеціальность изъ „шпикобойства“, т.-е. убійства низшихъ

агентовъ полиціи, которыхъ онъ ненавидитъ всей душой, ненавидитъ не менѣе сильно, чѣмъ прежнихъ товарищей по партіи, съ которыми онъ давно разошелся. . .

Еще разнообразнѣе прошедшіе передъ моими глазами „экспропріаторы“, составляющіе главный процентъ приговариваемыхъ къ казни и казнимыхъ во всѣхъ частяхъ Россіи. Идейныхъ людей среди нихъ было немного, и они рѣзко отличались отъ окружающей среды. Участники „партійныхъ“ или „групповыхъ“ экспропріацій, дѣйствовавшіе не ради личной наживы, люди, насильственно завладѣвшіе типографіей и захватнымъ путемъ, держа подъ дуломъ револьвера хозяина типографіи, отпечатавшіе здѣсь свои воззванія, отличались отъ другихъ политиковъ своимъ боевымъ темпераментомъ. Прямую противоположность имъ представляли „эксъ-исты“ въ узкомъ смыслѣ слова. Изъ нихъ нѣкоторые имѣли революціонное прошлое, но они ужъ давнымъ давно порвали съ своей партіей. Грабя въ свою пользу лавочки, устраивая облавы на артельщиковъ, убивая время отъ времени то городового, то стражника, и съ отчаянной смѣлостью отстрѣливаясь отъ погони, они на на волѣ привыкли называть и считать себя „революціонерами“, чаще всего—анархистами. Но ни съ революціей, ни съ анархизмомъ у нихъ не было ничего общаго. Тяжелую картину нравственнаго паденія

представляли собой эти люди. Но къ смерти они по большей части относи-относились такъ же хладнокровно, какъ же хладнокровно, какъ наиболѣе стойкіе политики. Трепетали передъ ожидаемой казнью и мелкіе вымогатели и грабители, усвоившіе нѣкоторые внѣшніе пріемы „мародеровъ революціи", но пользовавшіеся на волѣ революціоннымъ флагомъ съ сознательно корыстной цѣлью. Съ политиками эти мелкіе „эксъ-исты" вели войну еще на волѣ и, естественно, продолжали ее въ тюрьмѣ. Въ тюрьму попадали они, по большей части, довольно многочисленными группами, сразу по десяти-пятнадцати человѣкъ, такъ какъ при арестѣ каждый изъ нихъ спѣшилъ выдать товарищей. И въ тюрьмѣ они держались вмѣстѣ, тѣсно группируясь вокругъ своего предводителя (чаще всего - кокого-нибудь мелкаго подрядчика). На допросахъ, стараясь выпутаться, они выдавали другъ друга; послѣ суда писали прошенія о помилованіи, доходили даже до предложенія своихъ услугъ для вѣшанія другихъ осужденныхъ... Крестьянъ-аграрниковъ въ тюрьмѣ было немного, еще меньше чѣмъ „идейныхъ" экспропріаторовъ. Тѣ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣтить, представляли трагическую картину смѣси недоумѣнія и отчаянія: они какъ будто не понимали, въ чемъ ихъ обвиняютъ, а мысль о грозящей имъ казни была для нихъ такъ ужасна, что они не могли обнять ее своимъ смятеннымъ разумомъ.

Я отмѣтилъ главнѣйшія группы смертниковъ, но не упомянулъ еще о двухъ *основныхъ* группахъ, на которыя дѣлятся они всѣ — политики, уголовные и политико-уголовные, террористы, эксъ-исты и вымогатели. Эти двѣ группы: *виновные*, т.-е. люди, дѣйствительно совершившіе то дѣло, за которое имъ предстоитъ отвѣчать передъ судомъ и затѣмъ идти на висѣлицу, и *невинные*, т.-е люди, ни душой, ни тѣломъ не причастные къ тому дѣлу, за которое ихъ будутъ судить и несомнѣнно осудятъ, ибо противъ нихъ имѣются „улики".

Въ спорахъ о смертной казни всегда упоминаютъ о возможныхъ судебныхъ ошибкахъ. Сторонники висѣлицы указываютъ, что эти ошибки происходятъ крайне рѣдко. Люди, агитирующіе противъ смертной казни, подчеркиваютъ, какъ ужасна самая возможность ошибокъ. Я приведу лишь нѣкоторыя наблюденія по вопросу о процентѣ „невинныхъ".

Въ каждой большой тюрьмѣ заключенные довольно хорошо знаютъ, какое у кого дѣло. Въ частности мнѣ пришлось близко ознакомиться съ дѣлами многихъ заключенныхъ, такъ какъ ко мнѣ обращались то за юридическимъ совѣтомъ, то съ просьбой составить прошеніе. И я убѣдился, что среди „политико-уголовныхъ" процентъ невинно обвиняемыхъ, невинно осуждаемыхъ и невин-

но казнимыхъ достигаетъ чудовищной высоты. Конвойные, сопровождающіе обвиняемыхъ въ судъ, нѣсколько разъ говорили мнѣ, что среди осужденныхъ на смерть лишь половину составляютъ виновные, а другую половину— невинные. Конечно, здѣсь есть преувеличеніе. Я думаю, что число невинныхъ среди приговариваемыхъ къ казни и казнимыхъ *рѣдко поднимается выше трети, а по большей части составляетъ не болѣе* $^1/_4$ *или* $^1/_5$. Цифра все же чудовищная! Вѣдь въ судебныхъ дѣлахъ по 279-ой статьѣ судъ почти никогда на принимаетъ свидѣтельскихъ показаній, клонящихся къ установленію alibi обвиняемаго. Вѣдь въ этихъ дѣлахъ главнымъ матеріаломъ обвиненія являются всегда агентурныя или провокаторскія свѣдѣнія, взаимный оговоръ обвиняемыхъ, ихъ сознаніе на допросѣ и опознаніе ихъ со стороны пострадавшихъ. За полтора года мнѣ пришлось наглядѣться на смертныя дѣла, основанныя на этихъ „несомнѣнныхъ" данныхъ обвиненія. Я не знаю почти ни одной экспропріаторской шайки, въ которой не было бы провокатора. Если ему дорога жизнь, онъ не можетъ ограничиться передачей въ руки властей лишь опредѣленной группы людей, участвовавшихъ въ совершеніи преступленія: онъ долженъ оговоритъ гораздо большее число людей, долженъ оговорить всѣхъ, кто соприкасался съ нимъ и съ жертвами его предательства, всѣхъ,

въ комъ онъ можетъ подозрѣвать будущихъ мстителей. Не изъ-за простой денежной корысти такъ поступаетъ провокаторъ: иначе, по самому существу дѣла, онъ и не можетъ дѣйствовать, если не хочетъ на другой же день послѣ предательства получить пулю въ лобъ. Эта причина вовлеченія въ дѣло невинныхъ существуетъ во многихъ дѣлахъ, въ основаніи которыхъ лежитъ провокація. А на сколько мнѣ пришлось наблюдать, провокація лежитъ въ основаніи $^9/_{10}$ эксъ-истскихъ дѣлъ.

Взаимный оговоръ обвиняемыхъ приходится наблюдать въ подавляющемъ большинствѣ дѣлъ о мелкихъ шайкахъ эксъистовъ — „лавочниковъ" и „вымогателей". Эти мелкіе грабители, подъ вліяніемъ страха казни, на первомъ же допросѣ начинаютъ „сыпать" всѣхъ, кого только могутъ. Приставъ, жандармскій офицеръ или, на лучшій конецъ, слѣдователь излагаютъ имъ свои подозрѣнія, свои догадки и предположенія — и они сейчасъ же спѣшатъ подтвердить ихъ, а затѣмъ, запутавшись въ собственныхъ показаніяхъ, поддавшись на увѣренія, что запираться безполезно, признаются и въ томъ, что дѣлали, и въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ никогда даже не слыхали. Въ „взаимныхъ оговорахъ" и „чистосердечныхъ признаніяхъ" этихъ смертниковъ правда тонетъ въ ворохахъ лжи. И въ дѣлахъ,

Кровавый самосудъ и раньше практиковался въ тюрьмахъ уголовными. Но среди уголовно-политическихъ это было новое явленіе, развивавшееся параллельно тому, какъ расло число смертниковъ. И самосуды, которые происходили при мнѣ, поражали своей жестокостью, отсутствіемъ необходимой осторожности. Казалось, что люди, осужденные на смерть, считали совершенно естественнымъ осудить на смерть другого; ихъ совсѣмъ, повидимому, не пугала мысль, что убиваемый ими человѣкъ можетъ оказаться невиновнымъ.

Я встрѣтился въ тюрьмѣ съ однимъ человѣкомъ, который судился и военно-окружнымъ, и военно-полевымъ судомъ, привлекался по нѣсколькимъ смертнымъ дѣламъ и болѣе двухъ лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ между жизнью и смертью. На волѣ это былъ довольно грубый экспропріаторъ, обыкновеннаго, вульгарнаго типа. Можетъ-быть, онъ обиралъ лавочки, можетъ-быть и стрѣлялъ въ полицейскихъ. Но звѣрскихъ убійствъ за нимъ не было. Это былъ именно обыкновенный преступникъ. Въ то время, когда я встрѣтился съ нимъ, онъ готовъ былъ убить любого мало-мальски несимпатичнаго ему человѣка, если только это возможно было сдѣлать, не боясь отвѣтственности, если только кто-нибудь третій соглашался „взять дѣло на себя". Казалось страннымъ, какъ

могъ человѣкъ дойти до такого забвенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Такимъ сдѣлала его жизнь съ веревкой на шеѣ.

Большинство смертниковъ только и бредили, что убійствомъ и местью. Для революціонера, даже прибѣгающаго къ террору, всякое убійство, всякое кровопролитіе всегда отвратительно, и если онъ идетъ на подобный актъ, то только потому, что считаетъ его необходимымъ. Мысль о мести, какъ таковой, безъ представленія о цѣляхъ движенія — это не мечта революціонера, а бредъ больного человѣка. И этимъ бредомъ отравлены были мысли каждаго смертника. За весьма немногими исключеніями, даже въ тѣхъ смертникахъ, которые продолжали считаться революціонерами, революція рисовалась въ томъ безобразномъ, уродливо-извращенномъ, безумномъ видѣ, въ какомъ она когда-то была изображена въ извѣстномъ стихотвореніи:

...Убійству я придамъ манящую красивость...
...И духъ возлюбитъ кровь, возлюбитъ крови алость.

Меня поразилъ одинъ особый пріемъ, которымъ довольно часто пользовались смертники, чтобы расплатиться со „шпиками" и провокаторами, которыхъ они знали по волѣ. „Эксъисты" всегда знали многихъ агентовъ охраннаго отдѣленія, такъ какъ порой вмѣстѣ съ агентами ходили на „дѣла", и во всякомъ случаѣ частенько вмѣстѣ съ ними пьянство-

вали. И видя, что съ висѣлицы ужъ „не сорваться“, люди начинали сговариваться между собой, какъ передъ смертью сдѣлать „хоть одно доброе дѣло“. Такимъ добрымъ дѣломъ было „взять съ собой на висѣлицу“ — т.-е. оговорить — какого-нибудь агента охраннаго отдѣленія или „шпика“. Иногда брали шпиковъ, которые дѣйствительно участвовали въ совершеніи преступленія, иногда другихъ, которыхъ знали по случайной встрѣчѣ или по общей выпивкѣ. Въ тюрьмѣ среди смертниковъ это встрѣчало почти общее сочувствіе и казалось дѣйствительно хорошимъ дѣломъ.

Иногда арестанты и другъ друга „брали съ собой по дѣлу“ изъ мести. При оцѣнкѣ такого поступка арестанты обыкновенно спорили между собой о томъ, кто подалъ поводъ къ ссорѣ и т. п. Вопроса о принципіальной недопустимости извѣстнаго рода извѣтовъ не существовало въ насыщенной кровью атмосферѣ, среди людей, надъ которыми должна была совершиться казнь черезъ повѣшеніе...

Вообще масса смертниковъ производила впечатлѣніе глубокаго нравственнаго одичанія. Но ясно было одно: не это одичаніе толкнуло ихъ на путь преступленія, а напротивъ—самое одичаніе явилось результатомъ ихъ уродливаго положенія, какъ смертниковъ.

Поразительно легкимъ отношеніемъ къ

человѣческой жизни, естественно развивающимся среди смертниковъ, объясняются многія трагическія исторіи, разыгравшіяся за послѣдніе годы въ русскихъ тюрьмахъ. Я имѣю въ виду попытки массоваго побѣга, которыя часто предпринимались безъ надежды на успѣхъ, даже безъ достаточныхъ стараній обезпечить удачу, — предпринимались смертниками „такъ себѣ“, „на авось“, „съ отчаянія“ и давали тюремной администраціи поводъ для кровавой расправы съ арестантами.

Но попытки отдѣльныхъ смертниковъ бороться передъ смертью со своими палачами случались при мнѣ сравнительно рѣдко. Я помню всего лишь двѣ такихъ попытки. Кажется, и въ другихъ тюрьмахъ такія попытки случались немногимъ чаще. Много разъ мнѣ приходилось слышать отъ смертниковъ такія рѣчи: „Не понимаю, какъ можетъ человѣкъ спокойно ждать казни, когда ужъ, все равно, ему конецъ. Я послѣ суда ждать не стану... Или тамъ же въ судѣ брошусь на конвой... Или здѣсь, въ тюрьмѣ, что-нибудь сдѣлаю... Пусть убиваютъ! Все же лучше, чѣмъ ждать“. И люди, говорившіе такъ, все же безъ протеста и безъ попытки бороться шли послѣ суда въ секретку, и такъ же покорно, безъ борьбы, отдавались въ руки палача, когда доходила до нихъ очередь. Болѣе смѣлые и болѣе твердые передъ самой казнью бранили палача, прокурора, священника, пытались